

Полисемия утопии: несуществующая страна или наилучшее место?

Научный руководитель – Миронова Дагмар

Малыхина Юлия Юрьевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра социальной философии, Москва, Россия

E-mail: yuliyamalykhina.96@mail.ru

Широту понимания проблематики утопии наглядно иллюстрирует тот факт, что каждый второй исследователь, который пытается осмыслить данный феномен, так или иначе употребляет это понятие в различных значениях. Одни видят в утопии мечту о лучшем устройстве государства (французские социалисты-утописты), другие – извечное стремление человечества к светлому будущему (начиная с К. Маркса и до Л. Гумилева), третьи истолковывают ее в качестве проекта или даже программы построения идеального общества (социализма или коммунизма в идеологии «новых левых») [Levitas, 2013]. Некоторые видят в ней специфичную форму мышления – утопизм – как нечто среднее между религией и наукой [Черткова, 1993]. М. Б. Ямпольский находит в утопическом мышлении именно новоевропейскую черту: склонность к абстрагированию и идеализации в сфере социального [Ямпольский, 2014]. Отдельные авторы сближают утопию и политическую теорию [Lassman, 2003], или указывают на утопическое как основание социологического мышления [Вахштайн, 2016]. В постсоветских странах огромной популярностью пользуется исследование утопий и антиутопий как литературных жанров, на Западе проблематику утопий вообще выделили в отдельное дисциплинарное направление – *utopian studies*. Т.Г. Шатула констатирует, что утопия в культуре глобализирующегося мира участвует в семиотическом конфликте, так как «спектр ее значений ныне варьируется и способен включать в себя как любое дело или намерение, которое объявляется невозможным к выполнению (вне зависимости от сферы), так и действительно существующие природные уголки, не затронутые индустриальной машиной» [Шатула, 2012: 33]. Возможно, такое широкое понимание утопии связано с ее двойственным смыслом, ведь Томас Мор, сознательно или нет, внес семантическую путаницу. Само слово «утопия» ведет свое происхождение от сокращенного названия книги Т. Мора «Весьма полезная, а также занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия». «*Outopia*» является древнегреческим словом, хотя изначально Т. Мор использовал латинское слово «*Nusquam*», которое переводится как «нигде», «никуда», «ни для чего», «никаким образом», «не существующее ни в одном месте». В конечном счете, эта книга, да и весь (в будущем) жанр мог бы иметь название «Нигдея». Но Мор использует именно древнегреческий слово, которое содержит отрицающую приставку «*οὐ*» и корень «*τόπος*» – «место», «страна», «пространство». Если переводить на русский язык слово «*outopia*», то в конечном счете мы получим: «место, которого нет», «несуществующая страна». Но при переводе на другие языки, сам термин приобретает двойственность: «при прочтении этого слова на английский лад мы имеем также омофон *eutopia* от *εὖ* («благо», «совершенный») и того же «*τόπος* («страна, «место»)» [Мартынов, 2009: 153]. В английском языке «несуществующая страна» становится «страной блаженства» или «совершенным местом». Данные переводы демонстрируют нам как название книги «Утопия» из имени собственного переходит в понятие утопия, который содержит в себе такую смысловую нагрузку как «вымышленная страна» или «счастливое место».

Можно утверждать, что простая и однозначная интерпретация феномена утопии затруднительна. Если это текст о будущем, то о том, которое непременно наступит? Или только о желаемом, ожидаемом, возможном? Если этот текст – проект идеального мироустройства, то откуда у автора этот образ? И на чем в этом случае основана его уверенность в том, что оно – наилучшее? Критикует ли автор, пусть и имплицитно, настоящее, или пишет только о должном? Книга Т. Мора положила начало не просто новому понятию, но и стала названием нового текстового жанра – утопии. Начавшись как повествование об отдаленном уголке, где царят согласие и гармония, она эволюционировала в масштабные проекты воплощения идеального общества. В XX веке возникают новые (а новые ли они?) ответвления утопического дискурса – дистопии и антиутопии, которые переворачивают представления не просто о светлом грядущем, но и о текущем положении дел. И уже современные мыслители пытаются ответить на вопрос: не просто как построить новый мир, а необходимо ли вообще это делать, и даже больше – как избежать построения этого нового мира!

Источники и литература

- 1) Вахштайн В. С. Утопия как парадокс, идеология как тавтология // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2016. №6. С. 215–235.
- 2) Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. – 2009. - №10. С. 152-158.
- 3) Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
- 4) Шатула Т. Г. Дефрагментация понятия утопии // Идеи и идеалы. 2012. №4. С. 32–41.
- 5) Ямпольский М.Б. «Вечное возвращение»: чистая форма времени // Сеанс. 2014 (6). <http://seance.ru/blog/shtudii/muratova/yampolsky/#text-6>
- 6) Lassman P. Political Theory as Utopia // History of the Human Science. Vol. 16. No 1. 2003. P. 49-62.
- 7) Levitas R. Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2013. 288 p.